1902); «Что придало майским дням в Харькове характер выдающегося события? Массовое участие рабочих в забастовке, громадные тысячные собрания на улицах, развертывающие красные знамена, провозглашающие требования, указанные в прокламациях, революционный характер этих требований: 8-часовой рабочий день и политическая свобода» (Ленин. Предисловие к бронноре «Майские дни в Харькове», 1901); «В Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растет брожение рабочих и ширится забастовка» (Ленин. Начало революции в России, 1905).

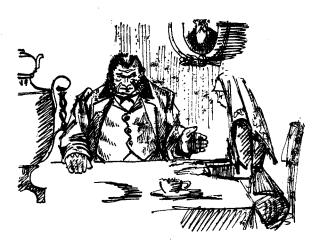
В русском литературном языке наших дней стачка и забастовка связываются по преимуществу с дореволюционным временем. Эти слова, став тенерь виолне синонимичными, употребляются в наши дни в языке нублицистики для обозначения событий, имеющих место в зарубежных странах. Показательна в этом смысле иллюстрация в недавно вышедшем академическом «Словаре синонимов русского языка» (М., 1970), где речь идет о событиях в Австралии: «60 тысяч водителей локомотивов, тенловозов, междугородных и городских автобусов, не добившись удовлетворения своих требований о повышении заработной платы после первой стачки... объявили повторную забастовку» («Ленинградская правда», 31 августа 1965).

Т. С. КОГОТКОВА

САМОДУР

Сложные слова русского языка с местоименной частью само- принадлежат к древнейшему продуктивному типу словообразования. Слово самобур, по-видимому, издавна звучало в русской народной речи, но в литературный язык долго не входило. Внервые его приводит Вейсманнов лексикон (1731). Из этого Словаря мы узнаем, что немецкое Eigensinnig, по-латыни refractarius, имеет русские соответствия: упрямый, упорный, жестоковыйный и самодур. Скромное положение слова самодур в конце ряда стилистически различных слов XVIII века свидетельствует о том, что здесь оно — самое сниженное и скорее всего относится к просторечию.

Самодур представлено как диалектное слово в «Опыте областного великорусского словаря» (1852), правда,

в ином значении, и в «Дополнениях» к тому же изданию, вышедших в 1958 году, где оно дано внутри гнезда одно-коренных слов: самодурить, самодурствовать, самодурство, самодур, самодурливый. Подобным образом рассматривал его и В. И. Даль, поместивший в «Толковом словаре живого великорусского языка» такой рид: самодур, самодурье, самодурь, самодуром, самодурить, самодурливый, самодурчивый. Как видим, Даль придерживается более строгих принципов в отборе народного материала по сравнению с составителями академического областного словаря. Он не берет слов с суффиксами, карактерными для книжной лексики (самодурство, самодурствовать), хотя они и происходят от истинно народной основы.

В литературный язык самодур проникает только в середине прошлого века. В этом прежде всего заслуга великого русского драматурга А. Н. Островского. В его пьесе «В чужом пиру покмелье» (1855) есть такой диалог между московской мещанкой Аграфеной Платоновной и ее жильцом, отставным учителем Иваном Ксенофонтычем. Аграфена Платоновна говорит, что их ближайший сосед, богатыл купец Тит Титыч Брусков — «дикий, властный человек, крутой сердцем»:

«Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это черт знает, что такое. Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварский язык. Аграфена Платоновна. Уж вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда».

Итак, слово самодур, совершенно не известное интеллигенту-учителю, имевшему всю жизнь дело с книгами, представляет лексическую норму для его хозяйки, женщины неученой, общающейся с такими же простыми людьми, как она сама. Несомненно, что материал для этого диалога драматург взял из самой жизни: как известно, он превосходно знал русскую народную речь.

После публикации пьесы в журнале «Русский вестник», и особенно после представления ее на сцене Московского Малого театра (1856), слово самодур стало достоянием культурной речи. Многие читатели и зрители, точно так же, как и Иван Ксенофонтыч, познакомились с ним впервые; другие утвердились в мнении о правомерности существования этого руского слова в литературном языке.

Островский повторил слово самодур еще и в «Бесприданнице» (1879). Но неизвестно, как сложилась бы его литературная судьба, если бы не Н. А. Добролюбов. Великий критик обеспечил ему поистине вечную жизнь, когда выступил на страницах журнала «Современник» со статьей «Темное царство» (1858), где дал критический разбор пьес Островского. Особое внимание читателей он обратил на то, что писатель представил самодуров и самодурство как характерное социальное явление русской жизни его времени, показав, что именно самодурство во всех проявлениях тянет общество назад — в рутину темноты и косности, мешает ему развиваться. Добролюбов употребляет группу родственных слов: самодур, самодурство, самодурный, самодурствовать, самодурничать. Наиболее пользуется он словом самодурство, в которое вкладывает многогранный смысл: это и особенности отдельно взятого человеческого характера, и социально-психологический признак, объединяющий всех тиранов, и меткая характеристика общественного порядка старой России в целом.

Огромный общественный резонанс высказываний Добролюбова общеизвестен. Естественно, что вместе с его идеями усваивалась и его лексика. Это коснулось и слов самодурство, самодурствовать, получивших большое распространение в грамотных слоях народа.

В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» самодур объяснено «Тот, кто действует по произволу, по собственной прихоти, не считаясь с другими людьми». В Словаре дан ряд производных, вошедших в литературный язык: самодурить, самодурка, самодурничать, самодурный, самодурский, самодурство, самодурствовать. К этому списку можно было бы добавить наиболее «олитературенное» слово того же гнезда — самодурственный, известное по примечаниям М. Кричевского к «Дневнику» А. С. Суворина (Пг., 1923), а также по роману С. Н. Сергеева-Ценского «Преображенная Россия». Употребление названных слов проиллюстрировано в академическом словаре и в картотеке Института русского языка АН СССР примерами — цитатами из художественной и эпистолярной литературы как дореволюционной, так и советской. Здесь упомянуты Островский, Добролюбов, Писарев, Марко Жадовская. Вовчок. П. Й. Чайковский, Ткачев, Шелгунов, Г. Успенский, Чехов, Куприн, Макаренко, Гайдар и другие.

Весь этот материал подтверждает огромный резонанс введенного в литературную речь Островским и использованного Добролюбовым слова самодур и производных от него. Вполне возможно, что иные авторы брали эти слова из личного лексического багажа, но в большинстве случаев несомненно если не прямое заимствование добролюбовского словоупотребления, то по крайней мере слияние двух языковых стихий — народной (просторечной) и книжной.

В использовании слова самодур и его производных ближе всех к Добролюбову стоят русские критики демократического лагеря. Вслед за ним слова самодур, самодурство, самодурствовать употребляют Чернышевский, Писарев, Ткачев, Шелгунов. Их стали использовать и художники слова, особенно те, кто был близок Добролюбову по образу мыслей. Н. А. Некрасов, например, вводит в поэтический текст слово самодурство. В его поэме «Недавнее время» (1877) читаем:

Прежде были легко уловимы Характерные клуба черты: В молодом поколении — фатство, В стариках, если смею сказать, Застарелой тоски тунеядства, Самодурства и лени печать.

Достойно внимания, что Некрасов использует вдесь наиболее книжное слово из всего гнезда, именно то, кото-

рое чаще других употреблял Добролюбов. Это понятно, если учесть длительную личную связь поэта с критиком, восхищение им и уважение к его памяти. Уместно напомнить, что в поэме Некрасов приводит добролюбовскую оценку общественной жизни того времени и в этой связи называет его «юношей-гением».

Интересно использование слова самодур и производных от него в советской литературе. Если в отношении Макаренко, Гайдара, Гладкова трудно сразу сказать, какого происхождения у них это словоупотребление, то у Л. Никулина в романе «Московские зори» (1954) оно прямо восходит к Островскому и Добролюбову: «Вы пе совсем понимаете, в каком положении находятся мои товарищи... Они в руках купца-самодура, который требует от нас залога».

Слово самодур и его производные живут в речи и сегодня. Несомненно, что здесь играет еще большую роль, чем прежде, влияние художественной литературы: ведь пьесы Островского и критические статьи Добролюбова входят, как известно, в программу школьного обучения.

В заключение — немного об этимологии слова. Самодур и другие слова, производные от этой основы, воспринимаются как сложные; вторая часть -дур связывается в них с глаголом дурить. Этот корень выделяется в словах, обозначающих глупость, нелепость, дикость. Теперь так и понимается смысл слова самодир — человек, который дурит'. Однако в его значении присутствует еще понятие о самостоятельности, быть может излишней. Еще в «Опыте областного великорусского словаря» было отмечено самодур в несколько неожиданном значении - в Ирбитском уезде Пермской губернии так называли самовар. В 1915 году в Курской губернии записано выражение: «самодурна закис квас» (без закваски, сам собой. Картотека Словаря русских народных говоров Института русского языка АН СССР). Любопытнейший пример находим и в карто-(ЛГУ теке Псковского областного словаря А. А. Жданова): «ф школу ни аднаво дня не был, был самадур» (самоучка). Приведенные здесь примеры наводят на мысль, что вопрос о происхождении слова самодур более сложен, чем это может показаться на первый взгляд.

> Т. С. КАРСКАЯ Ленинград

Введение в языкознание

ЭТИМОЛОГИЯ КАК ИСКУССТВО И КАК НАУКА

С давних времен человек пытливо интересовался словами родного языка, их взаимной связью, самым древним и потому, конечно, самым верным их значением. Он относился к ним, как к живому существу: одних боялся, другие любил, а третьи старался не вспоминать. Каждый из нас, впервые услышав какое-нибудь слово, пытается включить его в круг уже известных слов.

Вот в географическом описании вам встречается выражение: «сильно обволошенное существо» («Вокруг света», 1970, № 10) — и вы на секунду останавливаетесь, чтобы осознать значение непривычного для вас слова. По-видимому, с густым волосяным покровом (иначе: волосатое), решаете вы, и продолжаете чтение. Но если бы этот текст попался на глаза древнерусскому книжнику с другим занасом словесных ассоциаций, он непременно связал бы это слово не тольно с волос (чередование согласных такое, как голос - оглашенный), но и с волох (с тем же чередованием, что и горох — огорошенный) и некоторое время пребывал бы в недоумении: о каких людях идет речь - о густо волосатых или похожих на волохов (волохами в Древней Руси называли народы романского происхождения)? А, может быть, это слово каким-то образом связано с именем могучего языческого бога Волоса? И переписывая подобный текст, писец в соответствии со своим толкованием мог исказить написание слова, передавая его как-то иначе.

Такие ошибки из-за непонимания оригинала не редкость в старых рукописных книгах. Но такие ошибки делают и наши современники, когда вместо поликлиника